

DOI: 10.31857/S241377150014557-5

Кто чей тезка и современник? (Взаимодействие грамматики и прагматики)

© 2021 г. О. П. Ермакова

Доктор филологических наук,
профессор Калужского государственного университета,
Россия, 248000, Калуга, пер. Воскресенский, д. 4,
olga_ermakova.kaluga@mail.ru

Дата поступления материала в редакцию: 02 марта 2021 г.

Дата публикации: 30 апреля 2021 г.

Резюме. В статье рассматривается асимметричность [квазиасимметричность] группы именных предикатов-релятивов, обусловленная прагматическими правилами употребления, и ограничение этих правил грамматическими формами слов. Исследуются две группы субстантивных предикатов. Одна представлена названиями лиц, имеющими совпадающие имена и фамилии – слова *тезка* и *однофамилец*. В статье отмечается асимметричность реального употребления этих предикатов: тезкой кого-то можно назвать, как правило, лицо менее значительное (по известности, таланту, по роли в общественном сознании и т.п.). Так, человек с именем Петр может быть назван тезкой Петра I, но назвать Петра I тезкой некоего Петра Иванова будет некорректно по неписанным правилам прагматики. Аналогичная картина наблюдается и в употреблении слова *однофамилец*.

Асимметричность предикатов нейтрализуется в форме множественного числа, которая, как известно, нейтрализует и другие особенности названий лиц: ср. *родственники*, среди которых есть и *родственницы*, *подозреваемые*, *обвиняемые* и т.п.

Вторая группа исследованных слов – это существительные с приставкой *со-*, называющие лица по совместному участию в какой-то ситуации: *современник*, *соавтор*, *совладелец*, *сообщник*. Это тоже группа асимметричных предикатов, у которых прагматические компоненты (различные по семантике) не входят в лексические значения слов, но влияют на их реальное употребление.

В статье приводятся примеры и некорректного употребления некоторых слов.

Исследование показало, что прагматические ограничения в употреблении предикатов носят не жесткий характер. В то время как их нейтрализация в форме множественного числа не имеет исключений. Грамматика оказывается на пути прагматики.

Ключевые слова: именные предикаты-релятивы, асимметричность, прагматические правила, грамматические формы.

Для цитирования: Ермакова О.П. Кто чей тезка и современник? (Взаимодействие грамматики и прагматики) // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2021. Т. 80. № 2. С. 81–86. DOI: 10.31857/S241377150014557-5.

Who is Whose Namesake and Contemporary? (Interaction of Grammar and Pragmatics)

© 2021 Olga P. Ermakova

Doct. Sci. (Philol.),
Professor of the Kaluga State University,

4 Voskresenskiy Lane, Kaluga, 248000, Russia
olga_ermakova.kaluga@mail.ru

Received by Editor on March 02, 2021
Date of publication April 30, 2021

Abstract. The article deals with the asymmetry [quasi – symmetry] of the group of nominal predicates-relatives, due to the pragmatic rules of use, and the restriction of these rules to grammatical forms of words. Two groups of substantive predicates are investigated. One is represented by the names of persons who have the same first and last names – the words “tezka” (namesake) and “odnofamilets” (the same-last-name-bearer). The article notes the asymmetry of the actual use of these predicates: the namesake of someone can be called, as a rule, a person less significant (by fame, talent, role in the public consciousness, etc.). So, a person with the name Peter can be called the namesake of Peter I, but to call Peter I the namesake of a certain Peter Ivanov would be incorrect according to the unwritten rules of pragmatics. A similar pattern is observed in the use of the word namesake.

The asymmetry of predicates is neutralized in the plural form, which, as it is known, cancels out other individual features of the named persons: cf. relatives, among whom there are also female relatives, perhaps, suspects or somebody at fault with the law, etc.

The second group of words studied are nouns with the Russian prefix “so-” (co-), which name persons by joint participation in a certain situation: contemporary, co-author, co-owner, accomplice. This is also a group of asymmetric predicates, in which the pragmatic components (different in semantics) are not included in the lexical meanings of words, but affect their actual use.

The article provides examples of incorrect use of some words.

The study has demonstrated that the pragmatic restrictions in the use of predicates are not strict. While their neutralization in the plural form has no exceptions. Grammar gets in the way of pragmatics.

Key words: nominal predicates-relatives, asymmetry, pragmatic rules, grammatical forms.

For citation: Ermakova, O.P. *Kto chej tezka i sovremennik? (Vzaimodejstvie grammatiki i pragmatiki)* [Who is Whose Namesake and Contemporary? (Interaction of Grammar and Pragmatics)]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2021, Vol. 80, No. 2, pp. 81–86. (In Russ.) DOI: 10.31857/S241377150014557-5.

Вопрос асимметричности именных предикатов, обусловленной вмешательством прагматики, входит в общую проблему взаимодействия грамматики и прагматики. Этой проблеме посвящен целый ряд лингвистических работ. Небольшой объем этой статьи не предполагает обзора даже части исследований. Кратко коснусь некоторых положений работы Ю.Д. Апресяна “Прагматическая информация для толкового словаря”, имеющих отношение к рассматриваемому в нашей статье вопросу. Ю.Д. Апресян исследует ряд прагматических значений в разных глагольных формах, в частности в формах императива в эллиптических конструкциях, в частицах [1, с. 151–155]. Среди типов лексикографически существенной прагматической информации он выделяет статусы говорящего и адресата, когда эта информация характеризует некоторое употребление слова. Именно это положение используется в нашей статье.

Асимметричность именных предикатов исследована Л.П. Крысиным [2, с. 195–199]. Так, об условии употребления предиката *быть другом* Л.П. Крысин пишет:

У (тот, кому X приходится другом) – лицо с большим “социальным весом”, чем X (тот, кто является другом Y-а). Сравните:

Асеев и Маяковский были друзьями. = *Асеев был другом Маяковского* (пример, сообщенный Л.П. Крысину Ю.Д. Апресяном).

Фраза *Маяковский был другом Асеева* воспринимается как не вполне корректная: в ней нарушено сформулированное выше условие разного “социального веса” лиц – участников ситуации, обозначаемой предикатом *быть другом* [2, с. 196].

Наш материал показывает, что такое ограничение не единично, оно характерно для группы предикатов – названий лиц различной семантики.

Одна группа – это так называемые *соимённые*: *однофамилец*, *тезка*. Слово *соимённый* в словаре Ушакова определяется как книжное,

устаревшее. Ср., однако, употребление его Мандельштамом: О как противен мне какой-то **соименник**. / То был не я, то был другой (*Нет, никогда ничей я не был современник*).

Другая группа — это слова, обозначающие соучастников (в 1-м значении) в различных ситуациях: *соавтор, совладелец, современник, сонаследник, соответчик* и некоторые другие.

Сначала кратко рассмотрим соименников.

Слово *однофамилец*, по данным словарей, называет лицо, которое, не состоя в родстве, имеет одинаковую с кем-то фамилию. Слово это лишено семантических приращений, ассоциаций, коннотаций. В отличие от похожих друг на друга людей, которых не слишком много, однофамильцев может быть бесчисленное множество. Симметричность предиката *однофамилец* как будто не вызывает сомнения: если А однофамилец В, то и В — однофамилец А. Однако употребление этого слова имеет некоторые ограничения в зоне прагматики. Приведу один пример.

— *Вы Берлиоза знаете?* — спросил Иван многозначительно.

— *Это... композитор?*

Иван расстроился.

— *Какой там композитор? Ах да... Да нет! Композитор — это однофамилец Миши Берлиоза* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита. Разговор Бездомного с врачом в клинике Стравинского).

Юмористический характер этого текста очевиден. Но не для Бездомного, который об известном композиторе вряд ли даже слышал, а секретарь МАССОЛИТа для него — значительная фигура. И это, казалось бы, бесцветное слово *однофамилец* обнаруживает некоторые социальные различия собеседников. И становится ясным, что какой-то человек, носящий фамилию *Пушкин*, может говорить о себе, как об однофамильце поэта А.С. Пушкина, а называть поэта своим однофамильцем — смешно. Это чистая прагматика.

Помимо отношения “известный — незначительный в общественном мнении”, возможно, в некоторых ситуациях играет роль осознание вторичности. Это осознание, как правило, неприятно человеку: он не один такой (кто же первый, кто — второй?).

В поэме А. Твардовского “Василий Теркин” герой поэмы, уже ставший своим для многих бойцов, встречается с однофамильцем и первое время испытывает неудовольствие от этого. Но, увидев, что другой Теркин — тоже

во всех отношениях хорош, по великодушию своему, предлагает ему быть “первичным”, а сам согласен быть только однофамильцем.

— *Точно: Теркин...*

— *Только Теркин не Василий, а Иван.*

Чуть обидно, да приятно.

Что такой же рядом с ним.

Непонятно, да занятно

Всем ребятам остальным.

Молвит Теркин:

Сделай милость,

Будь ты Теркин насовсем.

И пускай однофамилец

Буду я...

А тот:

— *Зачем?* (А. Твардовский. Василий Теркин).

Но все социальные компоненты, проникающие в употребление слова *однофамилец*, нейтрализуются в форме множественного числа. Высказывание — *композитор Берлиоз и секретарь МАССОЛИТа — однофамильцы* — не нарушает правил прагматики, не представляется нелепым или комичным.

Совершенно аналогичная картина наблюдается в употреблении слова *тёзка*, словарное значение которого тоже не содержит никаких социальных приращений: ‘человек, имеющий одинаковое с кем-то имя’. Но в реальном употреблении совсем не безразлично, кто чей тёзка. Кто-то однажды сказал, что человек с фамилией *Македонский* насмешит людей, если скажет, что *Александр Македонский* — его *тёзка*.

И.А. Бродский в беседе с С. Волковым употребляет слово *тёзка* как показатель различной значимости двух известных людей (с его точки зрения).

Бродский: *...Я думаю, что Сталин сообразил, в чем дело. Сталин вдруг сообразил, что это не Мандельштам — его тёзка, а он, Сталин, — тёзка Мандельштама.*

Волков: *Понял, кто чей современник* (С. Волков. Диалоги с Иосифом Бродским. М., 2004, с. 476).

Высказывание Бродского показывает осознанное вмешательство прагматики в употребление предиката *тёзка*.

Правда, “иерархия” тёзок без названия фамилии часто не так очевидна. Так, у Н.В. Гоголя есть не один тёзка Николай Васильевич, но Николай Васильевич Гоголь не может быть их тёзкой, хотя с точки зрения логики это именно так. Поэтому часто *тёзкой* кого-то называют, указывая имя и фамилию.

– Так ведь... фамилии разные бывают, Васенька. Хорошо, у тебя фамилия простая, русская – Меркурьев! Артист такой был знаменитый, ах, как я его любила! Ты его полный тёзка – Василий Меркурьев (Т. Устинова. Призрак Канта).

И так же, как в случае с однофамильцами, форма тёзки снимает все социальные компоненты в употреблении предикатов. Все Иосифы – тёзки. И о двух Александрах Македонских, если кому-то “посчастливилось” получить такое имя при такой фамилии, можно сказать тёзки. Такое употребление не противоречит неписанным правилам прагматики.

Наблюдения показывают: как и однофамилец, предикат тёзка употребляется некоторыми людьми без учета различия социального веса тёзок. Неписанные правила прагматики не всегда и не всеми соблюдаются. Вот некоторые примеры.

[Журналист]: В Жириновскому: *Ваш тёзка, нынешний президент России хотел сотрудничать и пошел туда работать, но вы же не пошли* (“Эхо Москвы” (2003–2004));

Как пишет мой тёзка Экзюпери, некому даже сказать: “А помнишь?” (В. Михальский. Храм согласия);

Действительно, со Слуцкими князьями дело фамилию, а Годунов – мой тёзка (Б. Слуцкий. По отчету учил Смирнов Василий);

Этого парня зовут Михаил Юрьевич. Он всем говорит, что Лермонтов – его тёзка (Запись устной речи).

Теперь выскажу некоторые замечания о прагматике употребления слов из зоны соединения.

В жизни, как правило, любое соединение людей выявляет (или порождает) неравенство, которое в языке, в разных соединительных структурах может получить формальное выражение.

Уже отмечено, что в соединительных конструкциях с союзом *и* при соединении двух названий лиц типа – *отцы и дети, профессора и студенты* первая позиция обычно предназначается для более значимого (в каком-то отношении) члена [3, с. 353]; [4, с. 130–150]. Известно также, что в конструкциях типа *брат с сестрой, директор с секретарем* определенная социальная значимость (или активность) одного из лиц, как правило, выражается согласованием сказуемого либо со всей именной группой, либо только с первым членом. *Полкан с Барбосом, лежа, грелась, но Лев с Барсом вел продолговую войну* [5, с. 188].

Конечно, эти формальные выражения носят безусловный характер. Возможны варианты. Так, в определенных контекстах могут быть соединения *взрослые и дети*, в других – *дети*

и взрослые. Например: *Дети и взрослые одинаково увлеклись игрой*; или – *Преподаватели и студенты (Профессора и студенты и т.п.)*, но *Студенты и профессора обсуждали политические события*. В зависимости от ситуации первую позицию в соединительной конструкции может занимать любой ее член. Но важно, что некоторые социальные компоненты проявляются в соединительных структурах, обнаруживая неравенство членов.

Эти конструкции типичны для заглавий басен. Там первую позицию может занимать и сильнейший (в каком-то отношении – хитрее, умнее и т.д.), и слабейший. Ср.: *Ворона и Лисица*, но *Ворона и Курица* (где Курица – умнее); *Волк и Ягненок*, но *Овцы и Собаки*; *Стрекоза и Муравей*, *Орел и Куры*, *Орел и Крот* и т.д. Все это лишь подтверждает мысль, что правила прагматики не бывают жесткими.

В качестве примечания замечу, что кроме басен для заголовков художественной литературы (классической русской и зарубежной) соединительные конструкции типа *отец и сын* не характерны. *Отцы и дети* Тургенева, *Моцарт и Сальери* Пушкина, *Хозяин и работник* у Л. Толстого – единичны в их творчестве, а у Чехова, Островского, Достоевского, Гоголя их нет совсем.

В группе слов *современник, соавтор, совладелец, сонаследник, сообщник* и др. идея соединения как совместное участие в чем-либо выражается приставкой *со-*. Внутри слова “никаких следов неравенства лиц” нет. Как и слова первой группы, рассмотренной вначале, они все – как будто симметричные предикаты. И такие среди них есть. Например, *сокурсники, сопалатники, собутыльники* и др. Но не все.

Слово *современник* в реальном употреблении обнаруживает различие социальной значимости лиц. Так, поэт и драматург Н.В. Кукольник был современником Пушкина и Глинки, но назвать Пушкина или Глинку *современником* Кукольника было бы, по меньшей мере, странно, хотя все они *современники*.

Неприятие вторичности личности, объединения с другим выражено Мандельштамом:

*Нет, никогда ничей я не был современник,
Мне не с руки почет такой.*

О как противен мне какой-то соименник.

То был не я, то был другой (О. Мандельштам. Нет, никогда...).

Но отмеченные особенности употребления и этого предиката учитываются не всеми. “Нарушений” немало. Вот одно из них:

По неистовой преданности своему делу у Мультатули был **собрат**, тоже голландец и его **современник** — художник Винсент Ван-Гог (К. Паустовский. Золотая роза).

Приведу один парадоксальный пример индивидуального восприятия как несуразности объединения людей по году рождения (одногодки), если они несоизмеримы по таланту, известности и т.п.

Как-то в обществе приятный господин с круглой физиономией и веселыми глазами молодой собаки сказал:

— А мне ровно столько же лет, сколько Блоку.

И кто-то в ответ возмущенно буркнул:

— Что за вздор!

— Почему вздор? — удивился **ровесник** Блока. — Я родился в том же году, в том же месяце и того же числа.

— Да, но все-таки это совсем не то, — не сдавался буркнувший. — Не те годы прожиты. Счетом те, качеством не те. И говорить об этом смешно. Раз не понимаете этого, не объяснишь (Н. Тэффи. Мои современники. А.И. Куприн).

Слово **соавтор**, как и все ранее рассмотренные слова, с точки зрения логики, является симметричным предикатом: N — мой **соавтор**, значит я — **соавтор** N. Однако симметричность может нарушаться из-за неравенства участия членов в ситуации соавторства. Часто доля участия в работе не одинакова. И потому небезразлично употребление выражения *мой соавтор*.

О человеке, выполнившем незначительную часть работы, один из авторов может так сказать. Но если *мой соавтор* говорит человек о том, кто сделал почти всю работу, то это может восприниматься отрицательно. И так же, как в случаях с *тезкой*, *однофамильцем* и *современником*, форма множественного числа снимает различия в употреблении.

Некоторые примеры.

Драма А. Островского “Василиса Мелентьева”, как отмечает комментатор, написана им при участии С.А. Гедеонова. П.М. Невежин приводит слова Островского: «Генерал написал хронику “Василиса Мелентьева” и пригласил меня, чтобы я переработал сюжет и придал пьесе литературную форму» (С. Дурылин // А.Н. Островский. Полное собрание сочинений, т. X. М., 1951. С. 455).

Фактически всю пьесу, к тому же стихами, заново написал Островский. Очевидно, назвать Островского **соавтором** Гедеонова совсем некорректно.

В романе А. Марининой “Соавторы” речь идет о трех людях, которые, объединившись, создают детективный сценарий. Но пишет

один, другой придумывает сюжет, а третий участвует в проекте по семейным обстоятельствам. Может ли он сказать о маститом писателе (который пишет) *Богданов — мой соавтор*? То есть сказать-то может, но Богданов, наверное, счел бы это наглостью.

И сколько, наконец, оскорбительно обойденных первооткрывателей, вместо которых премии получили их соавторы. (Р. Нудельман. Самые престижные или самые крупные).

В этом примере слово **соавторы** обозначает соединение тех, кто играл, по мнению Нудельмана, незначительную роль в научном открытии, и указывает на их второстепенность.

Слово **совладелец** называет лицо, владеющее собственностью совместно с другим лицом или лицами, совладельцами, которые, как правило, неравноправны (возможно, бывает и по-другому). Но это различие “удельного веса” определяется процентной долей участия в “проекте” (иначе — количеством акций у каждого). Здесь изначально устанавливается *старший* (главный) **совладелец** и *младший*. Ср.:

Первое интервью <...> председатель правления и крупнейший совладелец “ЮКОСа” Ходорковский дал “Ведомостям” (“Дело”, 17.07.2002);

На борту судна находились <...> мистер Томас Мортон с дочерью, младший совладелец юридической конторы “Томсон и Свен”, адвокат Ричард Томсон и др. (Р. Штильмарк. Наследник из Калькутты).

Вероятно, употребление слова **совладелец** также подчиняется правилам прагматики. Можно предполагать некорректность употребления (с точки зрения главного) младшего совладельца по отношению к основному — “мой совладелец”. Но форма **совладельцы** нейтрализует эти особенности.

В слове **сообщник** словари не отмечают компонент ‘помощник преступника’. Ср.: **сообщник** — соучастник преступления, а также (устар.) вообще чего-либо недозволенного, неблагоприятного. Но разные контексты позволяют отметить (хотя не всегда): **сообщник** — обычно не главный преступник, хотя играет значительную роль.

Ни в коем случае не считаю вас сообщником Ганки. Но Ганка-то несомненно ваш сообщник (Ю. Домбровский. Обезьяна приходит за своим черепом);

Потом сообщник мошенника, войдя в комнату, заранее условленным знаком дает подельнику сигнал, какие карты на руках у лоха (С. Велинос. Как не попасться на уловки);

Раз картина спрятана в музее, а кража инсценировка, то получается, что у вора либо есть сообщник,

либо воров стал кто-то из своих (И. Павская. “Джоконда” Мценского уезда);

10 и 17 ноября Освальд тренировался в стрельбе. Сопровождал его на стрельбище неизвестный молодой человек. Кто это, если не **сообщник** (В. Балан. Правда или целесообразность);

Возможно, у него есть **сообщник** или **сообщники** среди персонала, которые его и покрывают (М. Милованов. Рынок тщеславия).

И, конечно, форма множественного числа “уравнивает” участников преступления.

Анализ других предикатов из группы совместного действия, очевидно, не добавляет новых наблюдений.

Таким образом, симметричность группы предикатов-релятивов, предполагаемая лексическим значением слов, опровергается реальным употреблением из-за вмешательства прагматики. Как показывает материал, асимметричность предикатов определяется неравенством членов соединения: разным удельным весом в общественном сознании, — значительностью (в каком-то отношении), талантом, известностью и т.д., а также большей или меньшей долей участия в ситуации.

Однако форма множественного числа у всех рассмотренных предикатов проявляет безразличие к социальным компонентам, проникающим в их употребление под влиянием прагматики. Здесь уже наблюдается вмешательство грамматики в прагматику. Повторим, что во всех случаях прагматические ограничения носят не абсолютный характер, чем отличаются от жестких правил грамматики. Грамматика оказывается на пути прагматики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Апресян Ю.Д. Прагматическая информация для толкового словаря // Ю.Д. Апресян. Избранные труды, том II. М., 1995.
2. Крысин Л.П. Социальные компоненты в прагматике языкового знака: квазисимметричные предикаты // *Metody formalne w opisie języków słowiańskich*. Pod red. Z. Saloniego. Białystok. 1990. С. 195–199.
3. Бергельсон М.Б., Кибрик А.Е. Прагматический “принцип Приоритета” и его отражение в грамматике языка // *Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз.* 1981. № 4.
4. Санников В.З. Русские сочинительные конструкции. Семантика. Прагматика. Синтаксис. М., 1989.
5. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956.
6. Булыгина Т.В. О границах и содержании прагматики // *Известия АН СССР. Сер. ЛиЯ.* 1981. № 4.
7. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997.
8. Семантические типы предикатов. М., 1982.
9. Якобсон Р.В. В поисках сущности языка // *Семиотика*. М., 1983. С. 102–117.

REFERENCES

1. Apresyan, Yu.D. *Pragmaticheskaya informaciya dlya tolkovogo slovarya* [Pragmatic Information for an Explanatory Dictionary]. Apresyan, Yu.D. *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Vol. 2. Moscow, 1990. (In Russ.)
2. Krysin, L.P. *Socialnye komponenty v pragmatike yazykovogo znaka: kvazisimmetrichnye predikaty* [Social Components in the Pragmatics of the Language Sign: Quasi-Symmetric Predicates]. *Metody formalne w opisie języków słowiańskich*. Edited by Z. Saloniego. Białystok. 1990, pp. 195–199. (In Russ.)
3. Bergelson, M.B., Kibrik, A.E. *Pragmaticheskij “princip Prioriteta” i ego otrazhenie v grammatike yazyka* [The Pragmatic “Priority Principle” and Its Reflection in the Grammar of the Language]. *Izv. AN SSSR, Ser. Lit. i yaz.* [Bulletin of the Academy of Sciences of the USSR: Studies in Literature and Language]. 1981, No. 4. (In Russ.)
4. Sannikov, V.Z. *Russkie sochinitelnye konstrukcii. Semantika. Pragmatika. Sintaksis* [Russian Compositional Constructions. Semantics. Pragmatics. Syntax]. Moscow, 1989. (In Russ.)
5. Peshkovsky, A.M. *Russkij sintaksis v nauchnom osveshchenii* [Russian Syntax in Scientific Illumination]. Moscow, 1956. (In Russ.)
6. Bulygina, T.V. *O granicah i sodержanii pragmatiki* [On the Boundaries and Content of Pragmatics]. *Izv. AN SSSR, Ser. Lit. i yaz.* [Bulletin of the Academy of Sciences of the USSR: Studies in Literature and Language]. 1981, No. 4. (In Russ.)
7. Bulygina, T.V., Shmelev, A.D. *Yazykovaya konceptualizaciya mira (na materiale russkoj grammatiki)* [Linguistic Conceptualization of the World (Based on the Material of Russian Grammar)]. Moscow, 1997. (In Russ.)
8. *Semanticheskie tipy predikatov* [Semantic Types of Predicates]. Moscow, 1982. (In Russ.)
9. Jakobson, R.V. *V poiskah sushchnosti yazyka* [In Search of the Essence of Language]. *Semiotika* [Semiotics]. Moscow, 1983, pp. 102–117. (In Russ.)